

*Посвящается памяти нашего Ора¹ Йозефа Антона
Штарцманна, 1904 — 1988,
а также моему мужу Полу, моей мачехе Рите и тете
Анджи, с любовью*

---

¹ Дедушка (нем.).

Примечание автора

В произведении аббревиатура «НСДАП» используется для обозначения Национал-социалистической немецкой рабочей партии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei), которая также упоминается в тексте как «Партия» или «Нацистская партия». Аббревиатурой «СС» обозначаются военизированные формирования НСДАП — Schutzstaffel, «отряды охраны». Некоторые фактические данные, включая время отдельных событий, были изменены в интересах повествования.

Часть I
Отечество

Сентябрь 1942

1

Поезд набирает скорость, оставляя Штутгарт позади. Здесь он вырос — среди длинных тенистых улиц, вымощенных вековой брусчаткой, и садов, сияющих в полуденном солнце, но теперь это уже не то место, каким Антон знал его в молодости. Штутгарт медленно приходит в упадок, нутро его обнажилось, развалы цементных блоков торчат, как кости, дома и магазины вскрыты и выпотрошены, внутренности валяются на улице. Воздух мутный от пыли, посыпающей город, словно пепел. Сколько бомб упало на город его детства? Он давно сбился со счета. Это не то место, которое он знал мальчишкой, но прежним не остался ни один уголок Германии.

Он прислоняется лбом к окну и смотрит назад. Шнурок от очков постукивает по стеклу. Если постараться и подстроиться под колебания поезда, можно разглядеть длинную черную полосу путей. Прямую, идеально прямую, как дорога на Ригу; вихрь серой и холодной цементной пыли — пыли от бомб — пересекает ее, танцуя, изгибаясь туда-сюда, как будто есть какой-нибудь повод танцевать.

Он произвольно ощущает некое родство с этим обилием серого вокруг. Не прошло и года, как он оставил свое монашеское одеяние; серый все еще идет ему, все еще сулит безмолвный покой, даже если это цвет мертвого города. Бывали времена, когда он, облачаясь в одежду светского человека, в брюки и рубашку, говорил себе, что это не навсегда. *«Когда война окончится, — говорил он себе, — католические ордена снова будут действовать*

свободно. Я снова буду монахом, и все восстановится, все вернется на круги своя». Больше он в эту сказку не верит, не может продолжать рассказывать ее себе. Кто-то переиначил этот мир и то место, которое мы, народ Германии, некогда звали домом. Что было, то прошло, минувшего не воротить. Теперь он каждый день носит брюки.

Антон выпрямляется на сиденье поезда. На коленях у него аккуратно сложенная газета, несколько листков трутся друг об друга с сухим шорохом. Он кладет на нее руку ладонью вниз, как ложится на плечо дружеская рука или тихое благословение священника.

Последние маленькие домики на окраинах Штутгарта уплывают вдаль. Шрам города теперь позади, и здесь плоть земли цветет и плодоносит: поля вызревающего ячменя коричневеют на солнце позднего лета, скот пасется на выгоне, погрузившись в море зеленой травы или замерев в своем и без того медленном движении к доильным стойлам, когда мимо проносится поезд. Вторжение красок и жизни, такое внезапное и повсеместное, откидывает с вагона полог безмолвия. Разговоры возобновляются — напряженные, тихие. Да и кто сейчас станет говорить громко на людях?

На сиденье за ним женщина произносит:

— Интересно, объявится ли «Белая роза» здесь, в Штутгарте?

В ответ на это раздается мужской голос:

— Тише.

— Я всего лишь поинтересовалась, — протестует женщина. — Я ведь не сказала...

— Все равно тише.

Все знают, что говорить вслух о Соппротивлении опасно. Только не в таком месте, не в тесном вагоне поезда, где каждый может услышать и никто не может спрятаться. В этой стране диссиденты расползаются из

каждой темной расщелины, как муравьи. Они маленькие и шустрые, и прежде, чем их раздавят, они успеют впиться зубами в опускающуюся на них пяту и оставить болезненный укус. «Белая роза» не единственная партия Сопротивления. Социал-демократическая партия Германии — СДПГ — может, и была запрещена, когда Гитлер пришел к власти, но, несмотря на тюремные заключения и убийства ее лидеров, несмотря на то, что в изгнании ее члены рассеялись по стране, полностью ее они не покинули. Союз свободных рабочих Германии не забыл свою роль в Ноябрьской революции. Их брошюры были объявлены вне закона, — даже просто иметь такую при себе означает смерть, — но их все равно продолжают печатать и продолжают читать. Католики и протестанты, которые никак не могут сойтись во взглядах по поводу доктрины, в этом деле объединили силы. Кажется, не проходит недели, чтобы Антон не услышал о еще одной речи, публично произнесенной каким-нибудь смелым священником на площади, очередном воззвании, составленном проповедником или иезуитом, или отвергнутой, но полной решимости монахиней, в котором заключена мольба к людям Германии прислушаться к здравому смыслу, отринуть ненавистный холод, душащий голоса их сердец.

Сопротивление повсюду, но «Белая роза», пожалуй, воплощает его наиболее полно. Это движение, организованное детьми — по крайней мере, Антон не может думать о них иначе, как о детях. Младше его вдвое и храбрее львов, храбрее, чем он когда-либо был. Молодые студенты Мюнхена вышли на улицы с листовками и ведрами краски. Они взялись за дело в июне и покрыли кирпичные стены надписями с их девизом, призывающим соотечественников сопротивляться: «*Widerstand!*» Они

---

¹ Сопротивляйся (нем.).

засыпали улицы листовками, — одному Богу известно, кто печатает эти разрушительные, смертельные бумаги. За три месяца с момента, когда эти дети поднялись и расправили плечи, настроение Антона становилось все мрачнее, а сон все беспокойнее. Как долго продержатся повстанцы? Как только Гитлер обратит свой пустой холодный взгляд на Мюнхен, «Белая роза» увянет и исчезнет. Фюрер оборвет эти хрупкие лепестки один за другим и растопчет сапогами. Антон почти готов был бы с этим смириться, если бы речь шла о взрослых мужчинах и женщинах. Но основатели Белой розы и учащиеся, которые за ними следуют, слишком молоды, слишком драгоценны. Вся их жизнь еще впереди. Или была бы впереди, если бы в Германии у Бога было больше власти, чем у Гитлера.

В былые времена дети перед церковью пели: «Господь всемогущий, помоги мне хранить благочестие, чтобы я попал в Рай». Теперь мы повторяем нараспев в пабах и на улицах, на званных ужинах и во сне: «Господь всемогущий, помоги мне хранить молчание, чтобы я не кончил свои дни в Дахау».

После паузы женщина в поезде говорит:

— Я благодарю Господа за то, что он уберег нас от худшего. В Берлине разрушений куда больше.

— Забавно, что ты благодаришь Господа, — отвечает мужчина подле нее.

— Что ты имеешь в виду?

Антон молча слушает и смотрит, как мимо проплывают сельские пейзажи. Полоса подсолнухов рассекает поле, размеченное стогами сена. Он помнит, как мальчишкой играл среди подсолнухов, — их душистые сухие стебли, идущие частоколом, шепот их листьев. Просеивающийся через листья желтый свет. Его сестра устроила в подсолнухах домик для игр: «Антон, ты должен

быть главой дома и говорить детям: “Если не помоешь руки перед ужином, мама рассердится!”»

— Я имею в виду, — говорит мужчина, — не стоит впутывать Бога в эту войну. Какое отношение Он имеет к этому? Только не говори мне, что думаешь, будто содеянное фюрером — это часть божественного провидения.

Женщина молчит. Антон тоже. Звук голоса сестры гасит вместе с воспоминанием.

Через некоторое время женщина произносит:

— По тому, как ты говоришь, можно подумать, будто ты вовсе не веришь в Бога.

Ее голос звучит так, словно она вот-вот расплачется.

Ее компаньон поспешно отвечает, поспешно защищается:

— Я лишь вот что хочу сказать: я никогда не видел Бога. Почему я должен благодарить Его за благо или винить в бедах? Человек вполне сам справляется с разрушением мира, как мы имеем возможность убедиться. В этом ему не нужна помощь свыше.

Прежде, чем Антон успеваешь себя остановить или даже подумать, он оборачивается:

— Я тоже никогда не видел Гитлера вживую, — однако я в него верю.

Пара молодая. Они смотрят на него с застывшими от неожиданности и ужаса лицами. С каждой секундой они становятся бледнее и бледнее. Женщина поднимает руку, чтобы прикрыть рот. Ее аккуратно причесанные темные волосы собраны в буклю и заколоты шпильками над гладким прелестным лбом, но страх омрачает ее красоту. Глаза мужчины расширяются, в них сквозит паника, а потом вспышка решимости, которая будто говорит: *«Я буду сражаться, так просто ты нас не возьмешь»*. Но в следующий миг на его лице застывает унылое смирение. Уголки рта опускаются, губы сжаты,